

С. В. Дьяченко¹, А. В. Малышева², А. В. Тер-Аванесова³
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
svet-lan-a@list.ru¹, annamalyis@mail.ru², teravan@mail.ru³

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОНЕТИКОЙ ВЛАДИМИРСКО-ПОВОЛЖСКИХ ГОВОРОВ: ЁКАНЬЕ И ПОЗИЦИОННАЯ МЯГКОСТЬ Ж, Ш*

В работе рассматриваются два взаимосвязанных явления в восточных средне-русских окающих говорах Владимирско-Поволжской группы: ёканье и позиционная мягкость шипящих *ж* и *ш*.

Ёканье изучено на материале муромского говора деревень Татарово, Ожигово и Нулы Муромского р-на Владимирской обл.; проанализированы аудиозаписи речи 13 местных жителей 1921–1959 гг. р., сделанные в 2012 и 2014 гг. В говоре ёканье представлено в 1-м предударном слоге на месте **e*, **ь*, **ѣ* (*н'ослá*, *в'орну́л*, *б'одá* и т. п.) и осуществляется в 60% от общего числа 1100 релевантных примеров, в остальных в позиции ёканья произносятся неогубленные гласные (*н'еслá* и т. п.). Помимо известных условий неосуществления ёканья, в муромском говоре оно отсутствует перед твердыми шипящими [ж], [ш], [ж:] (долгий [ш':] в говоре, как правило, мягкий), что указывает на позднее отвердение шипящих и отличает муромский говор от севернорусских. Ёканье зафиксировано в 85 основах всех частей речи (без учета приставочных образований). Разнообразие их морфонологических характеристик указывает на то, что говор хорошо сохранил результаты фонетического изменения *e > o* перед твердыми согласными на месте трех гласных, которому предшествовало совпадение их в безударных слогах (этот вывод совпадает с концепцией С. П. Обнорского, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова). Помимо исконной лексики, ёканье характерно для собственных имен церковнославянского происхождения и отдельных заимствований из европейских языков (*мъс'т'орá*). В аспекте социолингвистики ёканье принадлежит к числу диалектных явлений, сознательно устраняемых при установке говорящего на правильную речь (вывод из анализа записей речи учительницы 1925 г. р.). Что касается его связи с социальными характеристиками говорящих, то ёканье отсутствует у лиц 1946–1959 гг. р., двух учителей и работника культуры, которые сохраняют ряд других диалектных явлений

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00485а.

в речи. Низкая доля форм с ёканьем (до 20%) у людей со средним специальным образованием, представителей некрестьянских профессий, практически не зависит от возраста (1925–1944 г. р.). У женщин с неполным средним и начальным образованием, работавших на ферме, доля форм с ёканьем зависит от возраста: у лиц 1936 г. р. она составляет около 40%, а у лиц 1920-х гг. р. — 50–80%. У мужчины 1939 г. р. с неполным средним обр., тракториста, единственного из опрошенных, доля форм с ёканьем значительно выше, чем у его ровесниц, и находится на уровне архаичной «нормы» говора.

Вывод об относительно позднем отвердении *ж*, *ш* в муромском говоре, полученный путем анализа системы ёканья, подтверждается данными соседних городецких говоров. В говоре с. Соболево Юрьевецкого р-на Ивановской обл. мягкие [ж'], [ш'] отмечены в позициях перед и после мягких согласных (*кóш'к'и*, *рáн'ш'е*) и перед гласными переднего ряда [и] и [е] (*ж'ил*, *ш'ер'с'т'*). Смягчение шипящих в соседстве с мягкими согласными и перед [и] является для старшей разновидности говора фонетическим правилом. Это состояние сложилось в результате отвердения мягких *ж'*, *ш'* на конце слова, перед твердыми согласными и перед гласными *а*, *о*, *у*. Перед рефлексами **е*, **ь*, за которыми следуют твердые согласные, произносятся твердые шипящие (т. е. в позиции перехода *е > о*, при том что в заударных слогах самого перехода может и не быть в силу редукции: *т'и́жло́*, *ска́жот*, *ко́шък*). Перед **е*, **ь*, за которыми следуют мягкие согласные, произносятся мягкие шипящие. Перед конечными [е], [о] шипящие, как правило, являются твердыми (*то́жо*, *тв'о́рже*, но *да́ж'и*).

Ключевые слова: русские говоры, владимирско-поволжская группа, фонетика, ёканье, шипящие согласные

В этой работе мы попытались оценить степень сохранности предударного ёканья в одном говоре Муромского р-на Владимирской обл. и проанализировать зависимость наличия/отсутствия ёканья в этом говоре от фонетических, морфологических и морфонологических позиций.

Одним из условий, ограничивающих ёканье в муромском говоре, является положение предударного гласного среднего подъема перед твердыми шипящими *ж*, *ш*: перед этими согласными предударного ёканья нет, тем самым *ж*, *ш* ведут себя в отношении ёканья как мягкие согласные. Их поведение аналогично поведению /ц/, /ч/, /ж:/, /ш:/. Фонемы /ц/ и /ч/ реализуются в муромском говоре соответственно как твердый [ц] и мягкий [ч'], долгий звонкий шипящий — чаще твердый [ж:], но встречается и мягкое произношение [ж':], долгий глухой обычно мягкий ([ш':]). Можно поэтому предполагать позднее отвердение *ж*, *ш* в муромском говоре. На позднее отвердение шипящих указывают соседние с муромскими городецкие говоры: в настоящей работе рассматриваются данные одного говора из Юрьевецкого р-на Ивановской обл., в котором /ж/ и /ш/ еще сохраняют палатализованные аллофоны [ж'] и [ш'] в некоторых позициях.

1. Ёканье в муромском говоре: позиционные особенности, количественные характеристики, социолингвистический статус

1. Ёканьем называют произношение [о] в безударных слогах после мягких согласных и после твердых шипящих перед твердыми согласными и на конце слова, встречающееся в севернорусских и в среднерусских говорах (*н'ослá, з'орновóйю, б'одá, жонá* и подобные примеры). В заударных слогах ёканье возможно и перед мягкими согласными (*д'ер'евн'ой*) [Пожарицкая 2005: 51–53; Касаткин 2012: 41–42], такие случаи, как правило, объясняются морфологической аналогией. Фонетические и этимологические позиции, в которых встречается ёканье, и регулярность его в русских говорах не одинаковы.

В большинстве севернорусских говоров ёканье представлено во всех названных безударных позициях. Однако в значительной части костромских, южновологодских и некоторых горьковских говорах, образующих единый ареал, предударное ёканье отсутствует, а в заударных слогах оно проведено вполне последовательно и, по всей вероятности, поддерживается морфологически [ДАРЯ 1986, I, карта 3].

В подавляющем большинстве севернорусских говоров ёканье имеется только на месте этимологических *е и *ь, но не *ё: *н'ослá, з'орнó, И. ед. пол'о, но б'едá, М. ед. пол'е*. Исключения составляют отдельные говоры и небольшие ареалы — в окрестностях Никольска и в среднем течении Сухоны, где ёканье встречается на месте всех трех старых фонем переднего ряда среднего подъема (но на месте *ё только в 1-м предударном слоге): *н'ослá, з'орнó, б'одá* [ДАРЯ 1986, I, карты 3–6]. К их числу относится тотемский говор (Шуйское и Ихалица на Сухоне), описанный Олафом Брокком [Брок 1907: 22–23, 100–103].

Регулярность ёканья в севернорусских говорах неодинакова. Если в ладоготихвинских говорах оно вполне последовательно, то в вологодских и части костромских говоров в позициях ёканья варьируют [о] и [е] [ДАРЯ 1986, I, карты 3–6], а в поморских говорах в предударной позиции [о] — значительно более редкий вариант по сравнению с [е] при регулярности заударного ёканья [Гецова 1997: 139; Пожарицкая 2002: 62].

В среднерусских говорах ёканье отмечается в ДАРЯ на обширной территории от Гдова до нижегородских окраин и Мордовии. Системы с ёканьем заметно концентрируются, образуя ареалы разной величины, в говорах вокруг Ильменя (продолжением этого ареала является ладоготихвинский), в гдовских, тверских, бежецких и, наконец, во владимирско-поволжских говорах, где ёканье представлено в большом компактном ареале и считается одной из изоглосс, выделяющих Владимирско-Поволжскую группу говоров [Захарова, Орлова 1970: 155]. В среднерусских говорах ёканье встречается только в 1-м предударном слоге (исключение составляет северная часть владимирско-поволжских говоров, где ёканье отмечается и в заударных слогах [ДАРЯ 1986, I, карта 3; Образование 1970: 349, карта 96]).

В среднерусских окающих говорах известны две основные системы предударного вокализма с ёканьем, представленные ниже в «идеализированном» виде (без учета варьирования):

- (1) *nr'adu', s'ostra', v'ornut', b'eda'; nr'ad'ot, s'estr'e, v'er'n'ot, b'ed'e;*
(2) *nr'adu', s'ostra', v'ornut', b'oda'; nr'ad'ot, s'estr'e, v'er'n'ot, b'ed'e.*

В первой системе перед твердыми согласными различаются три гласных фонемы верхнего подъема: /a/, /o/, /e/, а перед мягкими согласными фонемы /o/ и /e/ совпадают в [e]. В этой системе перед твердыми согласными различаются предупредительные рефлексы *e, *b (> [o]) и *e' (> [e]), т. е. ёканье представлено только на месте *e и *b. Такие системы распространены в западной части среднерусских говоров и в центре владимирско-поволжской территории (владимирские, ростово-суздальские, южные городецкие говоры [Образование 1970: 349]).

Во второй системе в 1-м предупредительном слоге фонемы /o/ и /e/ не различаются, совпадая перед твердыми согласными в [o], перед мягкими — в [e], и не различаются предупредительные рефлексы *e, *b и *e'. Ёканье на месте *e, *b и *e' должно свидетельствовать о древности совпадения этих трех гласных в безударной позиции. Этот тип систем с ёканьем характерен для муромских, городецких и горьковских говоров, а также отдельных гдовских, новгородских, большого бежецко-тверского ареала; как сказано выше, этот тип предупредительного ёканья встречается в севернорусских говорах на Сухоне и в районе Никольска [ДАРЯ 1986, I, карты 3–6].

Среднерусское ёканье отличается регулярностью, особенно в позиции этимологического *e [ДАРЯ 1986, I, карты 3, 4; Захарова 1981: 39]. Регулярность ёканья во владимирско-поволжских говорах, в отличие от севернорусских, С. С. Высотский связывал с ритмической структурой слова, для которой характерна длительность 1-го предупредительного слога, равная длительности ударного или даже превышающая ее [Высотский 1977: 29–31].

С. П. Обнорский, детально проанализировав данные Московской диалектологической комиссии по произношению [o] на месте *e' в русских говорах, пришел к выводу, что первоначально оно развилось в безударных слогах на почве древнего совпадения безударных рефлексов *e, *b и *e'. Центром этой инновации являются говоры Владимирско-Поволжской группы [Обнорский 1947: 302–315]. В. Н. Сидоров также рассматривал владимирско-поволжский тип ёканья с совпадением трех гласных в [o] перед твердыми и [e] перед мягкими согласными как результат фонетического развития [Сидоров 1966: 147, 153–154]. Однако на материале, собранном для ДАРЯ, были сделаны наблюдения, что предупредительный [o] на месте *e' встречается с неодинаковой регулярностью в словах и словоформах разных морфонологических и прежде всего акцентных классов, из чего следует вывод о разрушении исходной системы либо о проникновении ёканья в позиции этимологического *e' по аналогии [Захарова, Орлова и др. 1970: 360–365; Захарова 1981; Скобликова 1962: 117–118]. Карта ДАРЯ I № 6, однако, показывает, что поведение слов разных морфонологических типов одинаково в большинстве ареалов [o] на месте *e'; исключение составляет южная часть горьковских говоров, где предупредительный [o] произносится только в тех словах, в части словоформ которых [o] на месте *e' произносится и под ударением (*гнездо, ведро, звезда*). Одной из задач настоящей работы является выяснение того, существуют ли в муромском говоре какие-либо морфологические или морфонологические ограничения реализации предупредительного ёканья.

2. Исследование муромского ёканья проведено на основе аудиозаписей, сделанных в 2012 и 2014 гг. в селе Татарово и деревнях Нула и Ожигово Муромского р-на Владимирской обл.¹ И. И. Исаевым, Е. В. Корпечковой и авторами настоящей работы. В ходе этих экспедиций была записана речь тринадцати местных жителей 1921–1959 гг. р.², среди них один мужчина, остальные женщины. В основном записывались беседы диалектологов и местных жителей на разные темы, встречаются и прямые вопросы, нацеленные на выяснение системы фонетики говора. В 2014 г. записан опрос информантки по «краткой акцентологической программе» [Николаев 1998: 162–166]; данные этого опроса использованы наравне с прочими, с определенными оговорками.

Все опрошенные жители трех деревень в той или иной мере сохраняют особенности местного говора, однако ёканье было отмечено не у всех информантов. Ёканье отсутствует у двух женщин 1954 и 1959 гг. р. — учителей средней школы, с высшим образованием; при этом в их речи сохраняются другие особенности владимирско-поволжского предударного вокализма: предударный [a] < *'a, *e после мягких согласных (*tr'ac'ú, tr'ac'ót* и т. п.), предударный [e] < *e, *ь, *ě перед любыми согласными (*n'ec'ú, n'ec'ót, v'er'núl, t'erp'ém', l'ecá, v'rek'é* и т. п.); предударное оканье эпизодически появляется при общении с местными пожилыми людьми. Ёканье отсутствует также в речи женщины 1946 г. р., бывшей заведующей клубом, заочно окончившей училище работников культуры во Владимире. Ее речь отличается от речи упомянутых учителей последовательным предударным оканьем, сохранением диалектных особенностей в склонении местоимений и постпозитивной частицы *-то*, особенностей морфосинтаксиса, в частности, употреблением форм «плюсквамперфекта»³. Ёканье встречается у всех остальных информантов 1921–1944 гг. р. независимо от образования и профессии, но ни у кого оно не представлено абсолютно последовательно, и процент примеров с ёканьем в речи разных лиц неодинаков. Свойственные владимирско-поволжским говорам ритмическая модель слова с долгим 1-м предударным слогом и фразовая интонация при этом сохраняются у всех поколений местных жителей.

¹ Эти населенные пункты в XIX — начале XX в. относились к Святской вол. Гороховецкого у. Владимирской губ., в 1929–1944 гг. — к Фоминскому р-ну Горьковского края, с 1944 г. — к Муромскому р-ну Владимирской обл. В 1965–2005 гг. они относились к Татаровскому сельсовету, с 2005 г. входят в состав Борисоглебского сельского поселения Муромского р-на. В последние десятилетия население деревень бывшего Татаровского сельсовета «постарело» и численность его резко упала; в 2017 г. в Татарове проживало 326 чел., в Нуле 7, в Ожигове 60, в Ольгине 27, в Пензе 26, в Пробуждении 18. На территории бывшего Татаровского с/с не функционируют сельскохозяйственные предприятия и построенные после войны заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, практически полностью разрушена инфраструктура (закрыты школы, клубы, пекарня, фельдшерские пункты, магазины остались в Татарове и Ожигове, в Татарове имеется отделение связи). Тем не менее эти живописные места привлекли новых поселенцев, хотя их число и невелико.

² Сведения об информантах см. в разделе 5.

³ Нельзя ручаться, что формы «плюсквамперфекта» совсем не употребляются учителями 1950-х гг. р., но в наших записях таких форм в их речи не встретилось.

Чтобы проанализировать сохранность ёканья и его зависимость от позиционных условий, мы обработали материал следующим образом. Из аудиозаписей речи информантов, в чьей речи присутствует ёканье⁴, были извлечены все примеры с гласными [е] и [о] в первом предударном слоге после мягких согласных и после исконно мягких [ж], [ш], [ц]. С точки зрения этимологии среди примеров оказались словоформы исконных слов с предударными рефлексами *е, *ь и *ё, заимствованные основы с предударными [е] и [о] после мягких согласных и словоформы с «вторичными» [е] и [о] после мягких (как правило, на месте *i). Кроме того, были выделены все примеры с другими гласными (в нашем материале это гласные [а] и [и]) в первом предударном слоге на месте *е, *ь и *ё и в заимствованных основах с предударным е в языке-источнике; таких примеров оказалось сравнительно немного.

Из общего массива данных были выделены все примеры, в которых предударные [е] и [о] после мягких согласных, реже — другие неогубленные гласные на месте *е, *ь и *ё, находятся в позиции перед мягкими согласными. В этой позиции обычно произносится [е], гораздо реже — [и] и совсем редко — [а]. Гласный [о] между мягкими согласными в первом предударном слоге встретился 1) один раз в окончании Т. п. числительного *тр'ом'и́* ПЯ, где он, очевидно, появляется в силу морфологической аналогии, ср. Д. п. *тр'ом* и Р.-М. п. *тр'ох*, и 2) один раз в *кр'ос'т'и́ла* ПЯ, где предударный гласный «восстанавливается» из *кр'ост*, *кр'оста́*; данная глагольная основа имеет в говоре более распространенные варианты *кст'ит'* и *кр'ес'т'и́т'*. Материал по этой позиции, записанный от четырех информантов, приводится в отчете об экспедиции 2014 г. [Дьяченко, Исаев, Тер-Аванесова 2015]; в данной работе он не рассматривается, за исключением случаев произношения [о] и неогубленных гласных в особых окружениях, о которых речь в следующем параграфе.

Оставшиеся примеры, в которых [о], [е], реже — другие неогубленные гласные находятся после мягких (и отвердевших) перед твердыми (и отвердевшими) согласными в первом предударном слоге, анализируются в настоящей работе. Огубленные гласные в указанной позиции представлены в нашем материале довольно большим числом примеров. Как правило, это гласные с выраженной огубленностью и *и*-образным началом, которые мы обозначаем как *о*: [п'оклá]. Реже встречаются слабо огубленные гласные и гласные, у которых отчетливую огубленность имеет только короткая последняя фаза, мы их обозначаем как *е^о*: [н'е^ослá]. Неогубленными гласными в той же позиции являются [е] среднего подъема: [с'естрá], значительно реже встречаются гласный средне-нижнего подъема, среднего или средне-заднего ряда: [н'ьслá], гласные [а] и [и]: *фч'арáс'* 7х, *фч'арá* 6х, *с'имна́цц'т'*, *пр'ив'излá*, (а также *н'и сл'эзу*) ПЯ; *ч'ир'ану́шка*, *фч'арá* ЕМ; *д'в'ана́цц'т'* ЗИ; *ч'ир'ану́шка*, а также *нъб'е́арáи*у ВС.

Эти примеры делятся на две группы. 1. Слова и морфемы, в которых ёканье стабильно отсутствует. В части таких случаев отсутствие перехода *е>о* в муромском

⁴ Общая продолжительность аудиозаписей речи «ёкающих» информантов составляет около 30 часов.

говоре является общерусским, т. е. имеет параллели во всех других идиомах — разновидностях русского языка; в других случаях оно является спецификой муромского говора и, по-видимому, некоторых близких ему говоров. 2. Слова и морфемы, в которых ёканье представлено достаточно регулярно. Вопрос о степени сохранности ёканья в говоре, естественно, можно ставить только на основании второй группы примеров. В этой группе из 1100 словоформ огубленные гласные представлены в 60% примеров, причем у некоторых лиц их не более 15%, тогда как у других их доля приближается к 80%.

Далее мы подробно рассматриваем эти две группы случаев.

3. В муромском говоре есть несколько морфологических, фонетических и «лексических» позиций, в которых предупредный *e* любого происхождения перед твердыми согласными не переходит в *o*. В большей части этих позиций отсутствие перехода *e>o* под ударением имеет общерусский характер, в том числе в окружающих говорах этот переход отсутствует в тех же позициях без ударения. Муромскому говору присущи и специфические позиции неперехода *e>o* в предупредном слоге.

1) Переход *e>o* отсутствует в определенных морфологических позициях:

1а) в предлогах, приставках и частице *не*: *н'едáвнь*, *н'е знáйу*, *н'е вьмыли*, *н'е кун'ит'е*, *н'е тáит*; *н'ир'ед вáм'и*, *н'ир'еишá*, *б'ес сáхъру*, *ч'ир'ез двá дóма* ЕМ; *н'е жáркъ*, *н'е нáды*, *н'е знáйу* 3х, *н'е тák л'и*; *н'ир'еклáды*, *гóл' н'ир'екáтна*, *ókъл н'ир'ехóт* ЗИ; *н'едóлго*, *н'е зáмужьм*, *н'е тóкъ*, *н'е лáz'ил*, *н'ир'елóмл'нь-ть*, *б'ездóмны*, *б'ез гóр'ь*, *ч'ир'ез дóм* ПЯ; *н'е б'уд'ет*, *н'е знáл*, *н'е знáйу* 2х, *н'е кáждый*, *н'е нáдъ*, *н'е прóсть*, *н'е стáль*, *н'е стáл'и*, *н'е тóп'им*, *н'е трóгьт* ВС; *н'е б'уд'ит* 2х, *н'е бóл'нь*, *н'е тák*, *н'е хóд'ут*, *п'нь'евóл'и*, *н'ир'еиш'и*, *ч'ир'ес тр'и*, *об'езно́жыла*, *н'ир'екур* НИ;

1б) Перехода *e>o* нет в морфемах с «вторичным» *e*, замещающим *и*:

в основах имперфективов типа *-берать*: *нъб'ерáйу*, *уд'ерáт'* 'удирать' ВС; *зън'ерáимсь*, *зъб'ерáйт'е* (но также *нъс'т'илáим*, *съб'ирáйт'е*, *пъм'ирáт'*) ЕМ; *ус'т'елáйет* ПЯ; *ст'ерáл'и* ЗВ; *нъб'ерáим* ЗФ;

в частице *ни*, совпавшей с *не*: *н'ехтó* 'никто' 2х ПЯ; *н'ектó* 3х, *н'екáк* 'никак' ВС; *н'екáк*, *н'ехтó* НИ.

В систему ёканья не втянуты также случаи вторичного [а] в основах *с'ад'и́цъ*, *л'ажы́цъ*, *пр'итс'адáт'ил'*, где корневая фонема /а/ появляется вследствие аналогии с формами презенса глаголов *сяду*, *лягу* (ср. ниже о ёканье в корне глагола *лeжaть* и производных — аналогия с *ложить*?)⁵.

2) Перехода *e>o* нет в ряде фонетических позиций:

2а) перед сочетаниями твердый + мягкий согласный: **e* — *с'естр'и́ца* 3х, *с'естр'и́цъй*, *с'естр'и́ч'къ*, Д. ед. п. *с'естр'и́ч'к'и*, *с'естр'е́*, *ф'с'емйе́*, *с'емйóй* 2х, *з'емл'á* 4х, *з'емл'и́ч'къ*, *ч'етв'óртъм*, *пр'ив'езл'и́* 2х, *в'езл'и́* 3х, *пов'езл'и́* 2х, *н'екл'и́* 6х НИ, **ь* — *пт'епл'ей*, *с'т'екл'áнна* НИ, *пъжылт'ей* ЗФ; **ь* — *д'ефч'óнк'и* 5х, *з'д'ефч'óнкъм'и* НИ; *д'ефч'óнка* ЗВ; то же в собственных именах церковнославянского происхождения *Ал'екс'ей Пáвлыч'*, *Л'екс'е́им звáл'и*, *Вьл'ент'и́н* НИ;

⁵ Ср. фонетический облик корня в инф. *л'ожы́ц'и'е* в устьянском говоре д. Михалёвская.

2б) перед твердым [р] в корнях структуры *СьrС с твердыми губными и заднеязычными в ауслауте (изредка в таких корнях встречается мягкий [р']): *св'ерка́ет* ВС; *фн'ервьйе* 2х, *с'ерпóm* 3х, *с'ерпы́*, *высо́к'иш* *в'ерха́* ЕМ; *фн'ервьйь*, *с'ерпóm* 2х ПЯ; *с'ерпа́м'и* 2х, *с'ерпóm*, *с'ерпы́*, *нъв'ер'ху́*, *с'в'ерка́йут* НИ; *с'ерпа́м'и*, *ч'ервон'ьц* НВ; в муромском говоре в этой позиции перед твердым [р] ёканье зафиксировано только в двух глагольных корнях: *св'орка́ет* ВС, *зъм'оркло́* ПЯ;

2в) перед твердым [р] в корнях структуры *СьrС с мягкими согласными в ауслауте (чаще в таких корнях — мягкий [р']): *п'ир'ив'ерн'ош*, *в'ерт'эльс*, *в'ерт'а́цц*, *п'ерч'атк'и* 2х, *т'ерп'эл'и* НИ; *ч'ерт'эй*, *да́й бо́х т'ер'п'эн'йа* *ът вác* ЕМ; *нъв'ер'н'ош* *то́к йá т'е да́м* 'съешь много', *с'ер'д'ита* ВС; *път'ер'п'ет'*, *с'ер'д'эч'нь* ЗИ; *т'ер'п'эль* ПЯ.

В корнях (основах) структуры *СьrС с твердыми переднеязычными согласными в ауслауте ёканье вполне регулярно: *зъм'орза́йу*, *зъм'орза́им*, *ум'орла́* 2х, *пъм'орла́* 7х ПЯ; *п'ир'в'орну́* 2х ЕМ; *ум'орла́*, *ум'ерла́* 5х, *ч'ерно́* ВС; *зъп'орла́*, *св'орну́л*, *убв'орну́л* НИ, *ум'орла́* 2х, *пъм'орла́* 3В, *ум'ерло́* 2х, *з'ерно́* 2х, *з'ерна-ть* *дава́л'и* НВ. В корне *-джерж-*, однако, ёканье встречается редко (недавняя мягкость ж?): *д'ержу́*, *д'ержа́ль* 4х, *пъд'ержа́ль*, *д'ержа́т'*, *съд'ержа́л* 2х ПЯ; *д'оржа́л'и*, *зъд'ержа́лса* ЕМ; *д'ержа́л'и* 2х ЗИ; *д'ержа́л'и* ВС; *д'ержу́*, *пъд'ержы́*, *д'ержа́л'и* 4х, *д'ержа́т'* НИ; *д'оржа́т'*, *д'ержа́л'и* 10х, *д'ържа́л'и*, *д'ержа́т'* 3В; *д'ержа́л'и* 5х 3Ф (под ударением в этом корне [е]: *д'ёржыт*).

В слове *чердак*, основа которого имеет структуру, сходную с *СьrС, зафиксирован только [е]: *ш'ерда́к* 2х, *ч'ерда́к* ВС и другие примеры.

2г) Перед твердыми долгими шипящими [ж:], [ш:] произносится [е] или [и] (твердое и мягкое произношение долгих шипящих варьирует у всех информантов; в целом у информантов из Татарова и Нулы преобладает мягкое произношение [ш':] и твердое [ж:]; у информантки из Ожигова — твердое произношение обоих долгих шипящих): *е — *ишио́*, *иши'о́* (все); *хр'еш:э́нскъ* *вода́* ПЯ; *ё: *пр'ийеж:а́л*, *пъд'ийеж:а́йут* ПЯ; *пр'ийеж:а́й* 3х, *пр'ийеж:а́йт'и* 2х, *пр'ийеж:а́л'и* 2х, *пр'ийеж:а́л*, *уйеж:а́л'и*; *кл'еш:э́й*, *кл'еш:и́*, *л'еиши'а́*, *л'еиши'и́*, *л'еиши'эй* ЕМ; *пр'ийеж:а́т'*, *пр'ийеж:а́йут* 5х, *пр'ийеж:а́й* 2х, *пр'ийеж:а́йт'и* 4х, *пр'ийеж:а́л'и*, *уйеж:а́йт*, *уйеж:а́л'и*, *сийеж:а́ла* НИ;

2д) Перед твердыми шипящими [ж], [ш] в большинстве примеров представлен [е], независимо от ряда следующего за твердым шипящим (старого) гласного. *е: *п'ешко́м* 6х, *б'ур'ежот* ПЯ; *йежы́*, *йежэй* ЕМ; *п'ешко́м* 3Н; *р'ешо́та*, *кър'ешк'и́*, *с кър'ешка́м'и* НИ; *ё: *м'ешко́ф*, *полм'ешка́*, *пъм'еша́т'*, *ръзр'ешы́т*, *ръзр'еша́л'и*, *с'н'ежо́к* 2х, *б'ежа́т'* 2х, *б'ежа́л* 2х, *уб'ежа́л'и* 4х, *пъб'ежы́м*, *-жы́т*, *уб'ежы́ш* 2х, *б'ежы́т* 2х, *дъб'ежы́т* НИ; *м'ешо́к*, *п'ешо́ч'към*, *ръзр'ешы́л*, *м'еша́л* ЕМ, *в м'ешо́ч'ьк*, *м'ешо́к* 3х ПЯ; *м'ешк'и́* 3Н; *пъб'ежы́ш* 3В; *М'ешко́ва* ЕП.

Приведенные примеры показывают, что в муромском говоре твердые [ж], [ш] в отношении ёканья функционируют как мягкие согласные. Показательно в этом отношении чередование предупредных [о]/[е] и [е] в корне *бег/беж*, сопровождающее чередование согласных *г/ж*: *б'огу́* 3х ПЯ, *уб'ога́л'и* ЗИ, *пр'иб'огу́*, *уб'огу́т*,

пъб'егут НИ, *зъб'егу* ЕМ — (*у*)*б'ежыт* ЗИ, *б'ежал* НИ и другие примеры форм глагола *бежать*, см. выше.

Исключением является ёканье перед твердым [ж] в корне глагола *лежать* и производном от него *лежанка* (под влиянием каузатива *ложить?*, ср. выше об [а] в корне возвратных каузативов *лажьыцъ*, *с'ад'ицъ* под влиянием *с'аду*, *л'агу*): *л'ожу* 2х, *л'ожыт*, *пръл'ожаль*, *л'ожала* 3х, *л'ожач'им*, однако в *л'ежанку* ПЯ; *л'ожыт* 2х, *л'ожат*, *л'ожанка* 3х, однако *л'ежу*, *л'ежала*, *л'ежал*, *л'ежыт*, *л'ежанка* 7х, *л'ежанку*, в *л'ежанк'и* ЕМ; *л'ежала* ЗИ; *л'ожал'и*, *л'ожаль*, *л'ожат'* ВС; *л'ожыт*, *л'ежу*, *л'ежала* 2х НИ, *л'ожыт* ЗВ, ЗФ; *л'ежала* НМ, ЕП. Кроме того, [о] зафиксирован перед твердым [ш] в топониме *Л'ошун'инь* (название деревни, на карте *Алешунино*) ПЯ.

В севернорусских говорах наблюдается иная картина перед твердыми *ж:*, *ш:*, *ж*, *ш*. В вологодском никольском говоре перед твердыми шипящими обычно [о]: *мёшки*, *бёжы*, *пёшеходом*, в тотемском говоре — колебание [е] и [о]: *бежать*, *пёшком*, *уежджать*, *поёжджай* [Брок 1907: 22–25]; то же в грязовецком говоре (примеры из [Мансика 1915: 202–208] и [Брок 1907] приведены в транслитерации С. П. Обнорского [Обнорский 1947: 306]).

2е) Ёканье не зафиксировано на месте *е, *ь перед кластерами из сочетаний *СъС (в сложениях и перед некоторыми в прошлом смягчающими суффиксами): *въс'емнацът'*, *с'емнацът'*, *шеснаци*, *жыр'епцоф-та*, *жыр'епца*, *кър'енныи*, *кър'еннаиа*, *Куз'енкоф* НИ; *въс'емнацът'* ЗВ, *Ръжд'ество* ВС; *шессот*, *въс'емнацът'* 2х НВ.

Все фонетические позиции, в которых ёканье отсутствует, таким образом, представляют собой позиции перед сравнительно недавно или не вполне отвердевшими согласными.

3) Ёканье практически не встречается в словах, относительно недавно вошедших в говор из литературного языка, городского просторечия, «официально-делового» языка, профессиональных языков.

3а) Через посредство этих идиомов в говор заимствованы слова (основы) из европейских языков; в таких заимствованиях находим неогубленные предупредные гласные перед твердыми согласными практически без исключений: *нъ п'ерацъйу*, *ф'ид'ерал'нъиа* 3х ЕМ; *бóч'ку ар'естантъф*, *д'ил'егатка* ЗИ; *д'ежурный*, в *Герман'иш*, из *Герман'иш-т'и*, *м'едал'и* 2х, Р. мн. *м'едал'ьй* 2х, *г'ерой* 6х, з *г'еройом*, *г'еройм* 2х, *л'ектр'ич'свъ* 2х, *нъ л'ектр'ич'ству*, ср. перед мягким согласным: *б'ел'ет* 'билет' ПЯ; *из ыл'ектрóдъ*, *кът'егор'(ию)*, *т'ераскъ* 2х, *нъ л'ектр'ич'к'и*, *т'ил'ифон* 2х ВС; *т'етрадак*, *п'ергам'интъм*, *ф т'ерас'и*, *т'ерасъ* НИ; *с т'ераскам'и*, *за пръцентами* 4х, *б'етоннъй*, *мъс'т'ерскуйу* ЗВ; *центрál'ных*, *нъм'ерам'и*, в *Йевропу* НВ; исключением является [о] в И. мн. *мъс'т'ора-та*⁶ ЕП.

3б) [е] представлен в исконных морфемах в составе слов, вошедших в говор из официального языка, в том числе в морфемах, имеющих церковнославянский

⁶ Словоформа *мъс'т'ора* с ёканьем встречается в ёкающих говорах других территорий, в частности в западном новгородском говоре с. Выбити Солецкого р-на.

фонетический облик: *д'еддóм* ПЯ, *йежóфшына* ЗИ, *фпл'ену́* 2× ЗВ; *пр'идупр'еждáл'и* НИ. То же в исконных морфемах в составе других слов, относительно недавно вошедших в говор: *Черно́был'* НВ; *Св'етláна* 4× ЗФ; ср. также *Ним'ерóв'ич'* ЗФ.

Напротив, в заимствованиях из церковнославянского языка — именах собственных ёканье достаточно регулярно: *Йогóр'ий* 4×, Р. *Готрá* (а также, вероятно, *Лощу́н'инъ*) ПЯ; *С'т'опáн* 2× ЗИ, *Йогóр'иш* 9 3×, *нъ Готрóв д'ен'* 2× ВС; однако *нъ Лексáндр'фск'и*, *Лексáндр* ПЯ, *Йегóр'ий* 3× ВС. При этом только [е] зафиксирован в образованиях от этих имен — фамилиях, отчествах, названиях отдаленных городов: *Дн'епр'етрóфск* ПЯ, *Петрóф* (фамилия) ЗИ; *Петрóф*, Д. ед. *Петрóвнай*, *Герáс'имъф* НИ; *Петрóвнъ* ЕП.

Зв) Только [е] зафиксировано в первом предударном слоге перед твердыми согласными в ругательствах: *х'ерóв'инъ*, *хр'енáчут*, *хуйету́* ВС; *хуйетá* ЗИ.

4. Отметим две группы примеров, в которых ёканье представлено довольно последовательно.

1) Это позиция *е, *ь после твердых шипящих [ж, ш] перед твердыми согласными: *т'ижолó* 2×, *жонá* 2× ПЯ; Т. ед. *шостóм*, *шестóм* 4×, *р'ишетó*, *женá* 2×, *женóй*, *желáит*, *-ит'е*, *нъ желáн'иу* ЕМ, *ж:онóй*, *жонá*, *т'ижолó* ВС; *жонá*, *т'ижолó* 9×, *т'ижелó*, *рыжовáты*, *рыжовáт'ин'к'и*, *шестóк* 3× НИ; *т'ижолó* 7×, *тижълó*, *жонáт'ий* 2× ЗВ, *жены́* НВ; *шестóво*, *т'ижелó* 2× ЗФ; ср. наблюдение К. Ф. Захаровой о том, что в говорах после твердых шипящих ёканье более регулярно, чем после парных мягких согласных [Образование 1970: 383].

2) Формы ед. числа слов *гн'оздó*, *в'одрó*, *зв'оздá* с ёканьем можно рассматривать на равных правах с другими примерами ёканья. Под ударением перед твердым согласным в этих корнях в говоре произносится [е]: И. мн. *зв'эзды*, *в'эдры*.

5. В этом разделе приводится релевантный материал по ёканью в муромском говоре с. Татарово, д. Нула и д. Ожигово. Это все слова и словоформы, в которых предударный гласный из *е, *ь и *ё находится в позиции перед твердым согласным или твердым кластером; при этом исключаются: примеры с сочетаниями *СьГС с твердыми губными и задненебными в ауслaute, кроме *зам'орклó*, *св'оркáет*; примеры, в которых указанные гласные находятся перед шипящими [ж], [ш], [ж:], [ш:], кроме *лежатъ* с производными и *Лешунино*; примеры производных со старыми смягчающими суффиксами типа *Рождество* и некоторых сложений типа *семна́дцать*. Наряду с морфемами славянского происхождения рассматриваются заимствования из церковнославянского языка — имена собственные, но не фамилии, отчества, названия отдаленных населенных пунктов. Исключены примеры с *е в приставках и предлогах; с [е] и другими неогубленными гласными вторичного происхождения; с [е] в заимствованиях из европейских языков (за исключением *мьст'орá*) и из официальной и профессиональной разновидности русского языка, с [е] в обценной лексике. Не учитываются формы слова *чердак*, встретившиеся исключительно с е. Примеры с [а] и [и] в позиции ёканья рассматриваются наравне с примерами с [е].

(1) Прасковья Яковлевна, 1921, Ожигово, 2 кл., работала в полеводстве и на животноводческой ферме (ПЯ).

[o] — *е: ч'ово́ 18х, н'ич'ово́ 3х, ч'ово́-то, ч'ово́-ть 2х, ч'ово́-н'-ть, кой-ч'ово́, дл'а ч'ово́, йово́ 13х, у йово́ 3х, фс'ово́ 2х, к йому́ 5х, йому́ 7х, с'остра́ 2х, Р. с'остры́, у с'остры́, с'остру́, жона́ 2х, пт къл'осо́, б'одро́ 2х, ч'оты́р'и, ч'ижоло́, т'ижоло́, уб'ору́ 4х, ньб'ору́, б'ору́, б'ору́т, рьзгр'обла́, пьв'озу́, пр'ив'озут 3х, пр'ив'озу́ 2х, в'озу́, в'озут 3х, пр'ив'озла́ 4х, ут'в'озла́, н'осу́, сн'осу́, пьн'осу́, пьн'осла́, пр'ин'осла́ 6х, п'ир'н'осла́, убн'осло́ 2х, м'ола́, пр'ив'ола́, л'огла́ 2х, с'л'огла́, б'ир'огла́ 3х, йоло́жу, ньйоло́з'ильс', йоло́з'ила 3х, йоло́з'ит', ньч'ова́т'-ть, ньч'ова́ль 2х, вьйова́л'и, л'ожу́ 2х, л'ожы́т, прьл'ожя́ль, л'ожя́ла 3х, л'ожя́ч'им, выл'отай́, пьдм'отай́ет, пьдм'отай́т', выгр'обай́т', выгр'обя́ль; [o] в словах церковнославянского происхождения: Його́р'ий 2х, по́сл'и Його́р'ийь, дь Його́р'ийа, П'отра́, Лошун'инь;

*ь: т'омно́, бр'овно́, зьм'орза́йу, зьм'орза́им, ум'орла́, пьм'орла́ 7х, зьм'оркло́; перед мягкими согласными: кр'ос'т'ила́, тр'ом'и́ цар'ам'и;

*ѣ: йода́, н'осоч'към, б'ога́м 4х, в'одро́ 2х, два в'одра́, б'огу́ 2х, ньб'огу́, усп'ова́ль 3х, д'ова́т' 3х, уд'ова́н'ийь;

[e] — *е: љево́, б'едро́ 4х, ч'етьы́р'и 9х, фч'ерас', б'еру́т, пр'ив'езла́, пьдн'есу́т 2х, пьдм'ела́, л'егла́, ѣб'ир'егя́йу, ньч'ева́ль, в л'ежа́нку; [e] в основах церковнославянского происхождения: нь Л'екса́ндръфск'и, Л'екса́ндр;

*ь: д'ержу́, д'ержя́ль 4х, пьд'ержя́ль, д'ержа́т', сьд'ержя́л 2х;

*ѣ: б'еда́ 2х, б'еды́, д'ело́ф, д'ело́ф-т'и, д'ела́ 2х, ньв'есу́, д'в'ена́циц', дьена́циц', прьл'езя́йу.

(2) Нина Ивановна Игони́на, 1926, Татарово, 6 кл., работала в колхозе и продавцом в лавке при крахмальном заводе (НИ).

[o] — *е: ч'ово́ 13х, н'ич'ово́ 4х, ч'ово́-та, йово́ 14х, у н'ово́, нь н'ово́, фс'ово́ 3х, пч'ому́ 2х, йому́ 4х, жона́, р'обро́ 2х, т'ижоло́ 9х, бьйова́йа, рыжова́ты, рыжова́т'ин'к'и, ч'оку́шч'ку, ч'итв'оры́х-ть 2х, с'м'отану́, с'м'отану́-ту, св'оду́, зьв'оду́т, в'озут 2х, пр'ив'озут, н'осу́т, б'ир'огу́, ньп'окут, ньп'окла́ 4х, п'окла́ 3х, уб'ору́ 2х, ньб'ору́, м'отал'и, выл'отай́т 3х, ньч'ова́ль 2х, -л'и, тьнцо́ва́л'и, вьйова́л, л'ожы́т;

*ь: л'охко́, т'омно́, зьп'орла́, св'орну́л, убв'орну́л;

*ѣ: в'одра́ тр'и́, пр'иб'огу́, уб'огу́т, зьйода́л'и, сьйода́л'и, рьзгр'ова́ицица, д'ова́т', д'ова́й, д'ова́тицъ, пьд'д'ова́йут;

[e] — *е: н'ич'ево́ 2х, с'естра́ 5х, с'естро́й, св'екро́в'йу, с'ело́, ч'ело́ 3х (устье печи), шесто́к 3х, ч'ир'епу́шка, т'ижело́, ч'етьы́р'и 3х, ч'етьы́р'ньцицът', ч'етьы́р'ис-та, п'ека́р'на 3х, -н'и 2х, п'еку́тица, л'егла́, б'еру́т, ньч'ева́т' 3х, вьйева́л 2х, тьнце́ва́л'и, см'етаны́-т'и, см'етанъ́-та, зб'ир'егя́л'и, л'ежу́, л'ежа́ла 2х;

*ь: д'ержу́, пьд'ержы́, д'ержя́л'и 4х, д'ержа́т';

*ѣ: д'ело́ф 2х, вл'есу́, п'есты́-т'и, с'едо́й, п с'т'ена́м-т'и, дв'ена́циц 2х, дв'ена́цицът', зьл'езя́йу, зьл'езя́ль, утр'езя́иши, ньгр'ева́л'ис, рьсп'ева́им, од'ева́л'ис, рьзд'ева́йсь.

(3) Зоя Васильевна Холодова, 1929, Татарово, 7 кл., работала на животноводческой ферме (ЗВ).

[o] — *е: ч'ово́, н'ич'ово́, йово́ 9х, скор'ей́ фс'ово́, фс'ово́ 4х, йому́ 2х, с'остра́-та, с'остра́, т'ижоло́ 7х, жона́тый 2х, т'опло́, в'ьрт'оно́ 2х, в'ьрт'она́, йоло́х 5х

(заросли ольхи), *йолху-ту, ув'озут, пр'ив'озут, пр'ив'е'озут, п'н'осла, пр'иносла, б'ирогу, л'ожыт;*

*ь: *ум'орла 2х, п'м'орла, н'ил'охко, д'орж'ат';*

*ѣ: *в'одра 2х, н'е'оку, н'р'озал'и;*

[е] — *е: *ч'евó 2х, н'ич'евó, йевó 2х, б'езо фс'евó, в'есной, п'в'езу, пов'езло, т'иж'ло, ч'етьр'и;*

*ь: *д'ержал'и 10х, д'ържал'и, д'ерж'ат'.*

*ѣ: *п'есóч'ик, л'еса 2х, р'ьзр'еза'ют, н'и б'едно, вóт так'и д'ела 4х, Р. ед. п'дв'есной, И. мн. п'дв'есныйе, хл'евы, с'енца, зв'езда (название колхоза).*

(4) Владимир Степанович, 1939, Нула, 5 кл. и курсы трактористов, тракторист (ВС).

[о] — *е: *н'ич'овó, л'иб'ода, м'одóвай, м'одóвый, д'оруц':ъ, с'б'оруц':ъ, пр'ин'осу, отн'осу, пр'ив'озут 2х, т'еокут, м'отат', л'отайут 2х, л'ожал'и, л'ожаль, л'ожат', ж:оной, жонá, т'ижоло; [о] в основах церковнославянского происхождения: Йогóрий 3х, н' Пóтров д'ьн 2х;*

*ь: *св'оркает, ум'орла, с в'отлы;*

*ѣ: *п'еоку, п'осок, б':огу, в л'есу, н'дийодаит, од'овал'ис, д'оват' 2х, з'д'оват' (задевать);*

[е] — *е: *н'ич'евó, йевó 3х, к н'ему, в'есной, с'естра, ч'ир'анушка, ч'етьр'е, дев'ят'ьм, п'л'евай'*

*ь: *п'ир'вернул'и, д'ержал'и, св'еркает, ч'ерно;*

*ѣ: *б'из д'елóф, с'енца, м'естам'и, стр'ела 7х, стр'елой (молния), п'есок 3х, в л'есу 6х, в л'есу-ту, в л'еасу-ту, п' л'есам, р'ека, йезда-т'ь.*

(5) Зинаида Ивановна Широкова, 1936, Нула, 7 кл., работала на животноводческой ферме (ЗИ).

[о] — *е: *ч'овó 2х, н'ич'овó 2х, йовó 3х, йому 3х; л'иб'одой, л'иб'ода, от'ока'ют ног'и-т'е; в словах церковнославянского происхождения: С'т'опан 2х;*

*ѣ: *дв'онац коп'еик, уб'огал'и, вд'овал'и;*

[е] — *е: *ч'евó 5х, н'ич'евó 5х, фс'евó, йевó 2х, с'еводн'и, не'дъл'екó, дъл'екó, с'им'ена, тр'и с'естры, л'ежала; в основах церковнославянского происхождения: П'етроф;*

*ь: *д'ержал'и 2х, с в'етлы;*

*ѣ: *И. мн. м'еста, д'в'енáцц'ьт', д'в'анáцц'ьт', ур'езат', вóт ы б'еда-т та.*

(6) Екатерина Петровна Мешкова, 1936, Татарово (ЕП).

[о] — *е: *ч'овó, у йовó, н'гр'обáим, в заимствов. основе: м'ьс'т'ора-та;*

[е], [и] — *е: *тр'и с'естры, к'рч'евал'и 2х, т'ижелó; ч'итыр'и, л'ижаль.*

(7) Зоя Федоровна Киселева, 1928, Татарово, 7 кл. и бухгалтерские курсы, бухгалтер совхоза (ЗФ).

[о] — *е: *как йово, у йовó 2х, йовó 2х, ч'овó, с'оводн'и, пр'ин'осла, пр'ив'озут, п'л'ожыт;*

[е] — *е: *н'ич'евó 3х, ч'евó 7х, ии'ч'евó, йевó 5х, с'естра 3х, с'естры, с с'естрой, шестóво, Т. ед. св'екрóвий, св'екрóф', см'етану, ис см'етаны 2х, п'з'ьфч'ера, т'ижелó 2х, н'идал'екó, т'екла 2х, з'л'етал'и, н'ч'еват', т'ьнц'евал'и 2х;*

*ь: д'ержал'и 5х;

*ѣ: п'есоч'кѣм, нѣр'езал'и, ѡездѣ, дв'енáциѣт', с'еруш'и (грибы).

(8) Нина Васильевна Малова, 1944, Татарово, 7 кл. и курсы телефонистов, работала телефонисткой и оператором на крахмальном заводе (НВ).

[о] — *е: ч'овó 2х, ѡвó 3х, пѣч'ому́, с'е°стра́, с'в'е°дут; *ѣ: зв'е°зда́;

[е] — *е: ч'евó 6х, ч'евó-ть, н'ич'евó 3х, у н'евó, ѡевó 2х, ѡему́ 2х, пѣч'ему́, с'естра́, с'естро́й 3х, б'ир'есты́, жены́, пр'ин'есла́, б'еру́т, зѣн'екáльс', ул'етáйут, тр'епáл'и, м'езгá, ч'еты́р'и, н'идѣл'екó, фс'егдá; *ь: дѣт'емнá;

*ѣ: в'есы́, цѣпы́ 2х, цѣпáм'и, д'елóф, пѣ л'етáм, зв'ездá, п'есоч'кѣм, п'есок, п'ескá 2х, п'евцы́, зѣл'езáл'и 2х, ос'едáйут, ѣтп'евáт', ѣтп'евáл'и.

(9) Елена Михайловна Баранова, 1925, Татарово, 7 кл. и педучилище в Горьком, учительница начальных классов в Горьком и в Татарово.

Первый разговор, запись 2012 г.:

[о] — *е: ч'овó, н'ич'оó, у н'овó, у н'оó, фс'е°вó, ѡому́ 2х, мѡѡому́, св'окрóф' 2х, шостóм, см'отáну, дѣл'окó, п'ирв'одут 2х, пл'е°тут, пр'ин'ослá 3х, п'окó, нѣп'окó, исп'окó, зѣм'олó, одб'ору́т, ул'отáйут;

*ь: ум'орлá;

*ѣ: ѣд'евáл'ис 2х, с'ѡе°дáйу, пѡѡодáйут;

[е] — *е: ч'евó 11х, ч'евó-та, н'ич'евó 14х, свѡѡевó, ѡевó 9х, у н'евó 9х, из' н'евó 3х, фс'евó 2х, ѡему́, ѡѡму́, пѣч'ему́, с'елó, с'елá 2х, шестóм 3х, р'ишетó, женá 2х, женóй, св'екрóф', в'ич'ерá, в'ич'ерáм'и, дѣл'екó 2х, ч'еты́р'и 2х, ч'итв'ерых, желáит, желáит'е, пѣ желáн'ѡу, нѣч'евáт', с'м'етáна 5х, пр'ив'езут, пл'етут 2х, сн'еслó 2х, зѣн'еслó 2х, б'еру́ 2х, ѣтл'етáит;

*ь: ум'ерлá 5х;

*ѣ: б'едá, в л'есу́, св'етлó, п'есочку, дв'енáциѣтѣй, прѣс'евáл'и, срóду н'и ѡедáл'и, уд'евáйуциѣ, ѣд'евáл'ис, рѣзр'езáйу, пѣтп'евáла, зѣб'егу́, п'есоч'н'ицу.

Второй и третий разговоры, записи 2014 г. (в конце второго разговора начат опрос по вопроснику; третий разговор происходил утром следующего дня, был продолжен опрос по вопроснику).

[о] — *е: ч'овó 2х, у н'овó, ѡому́, ѡому́ бы с'ид'ет' ф т'ур'м'е́, с'овóдн'е 3х, И. мн. б'ир'огá, с'остра́, Р. ед. м'отку́ 2х, фч'орá 2х, н'идѣл'окó, б'ору́т 4х, зѣн'ослó, нѣн'ослó д окóшки, пр'ин'ослá, в'озут, пр'ив'озлá, пр'ив'олá, нѣп'оклá 3х, п'окó 4х, б'ир'огу́ 2х, б'ир'оглá 2х, л'ожы́т 2х, л'ожáт, ул'отáла;

*ь: бр'овнó, п'ир'в'орну́ 2х, д'оржáл'и;

*ѣ: сл'опáйа, утр'озáй 3х, од'овáл'ис 2х;

[е], [а] — *е: ч'евó 3х, н'ич'евó 3х, пѣч'ему́, у (из, ѣт) н'евó 4х, ѡевó 4х, етѣ ѡевó фс'ó, свѡѡевó, ѡему́, с'естра́ 2х, с'елó, от св'екрóв'и, ч'ир'апúшка (глубокая глиняная миска) 2х, ф ч'ир'епúшк'и 4х, шестóм, ч'еты́р'и, фч'ерá, б'еру́, л'ежý, л'ежáнку, в л'ежáнк'и, нѣч'евáт', зѣбѣл'евáл'и; фч'арá;

*ь: ч'елнóк 4х, бр'евнó 2х, кр'естá, кр'есты́, зѣд'ержáлса;

*ѣ: п'есок, пескá, песку́, п'естóм, нѣ в'етру́, дв'енáциѣт', в'едрó, цв'етóшн'ицу, цв'етнóй 2х (мед), цв'етóчн'ый, цв'етóч'кѣм'и, б'есóф, ф кл'еву́, в л'есу́, И. мн. л'есá, Р. ед. сл'едá.

6. Степень сохранности предупредного ёканья в речи восьми жителей Татарова, Ожигова и Нулы представляют табл. 1 и 2, в основу которых положены данные, приведенные в п. 5. В табл. 1 представлены данные по всем «ёкающим» информантам, кроме Е. М. Барановой. Для каждого информанта указывается количество примеров с огубленными (обозначенными в таблице как [o]) и неогубленными (обозначенными как [e]) гласными в первом предупредном слоге на месте *е, *ь, *ё и общее число примеров с огубленными и неогубленными гласными. Также для каждого информанта указан процент примеров с огубленными гласными в позиции ёканья на месте каждого этимологического гласного и в целом. Примеры с [o] и [e] в заимствованиях подсчитаны вместе с рефлексамми *е.

Таблица 1

Количество примеров с [e] и [o] и процент примеров с [o] на месте *е, *ь, *ё в первом предупредном слоге перед твердыми согласными

Информант: ФИО, г. р. (нас. пункт)	Звук в первом предупредном слоге	*е	*ь	*ё	Всего
НВ 1944 (Татарово)	[o]	8 (20,5%)	0	1 (6%)	9 (15,5%)
	[e]	31	1	17	49
ЗФ 1928 (Татарово)	[o]	10 (21,3%)	0	0	10 (17,5%)
	[e]	37	5	5	47
ЗИ 1936 (Нула)	[o]	15 (42,9%)	0	3 (37,5%)	18 (39,1%)
	[e]	20	3	5	28
ЕП 1936 (Татарово)	[o]	4 (40%)	0	0	4 (40%)
	[e]	6	0	0	6
ВС 1939 (Нула)	[o]	25 (69,4%)	3 (42,9%)	9 (26,5%)	37 (48,1%)
	[e]	11	4	25	40
ЗВ 1929 (Татарово)	[o]	46 (80,7%)	5 (29%)	4 (22%)	55 (59,8%)
	[e]	11	12	14	37
НИ 1926 (Татарово)	[o]	91 (67,9%)	5 (42%)	10 (39%)	106 (61,6%)
	[e]	43	7	16	66
ПЯ 1921 (Ожигово)	[o]	143 (78,1%)	15 (62,5%)	19 (63,3%)	177 (74,7%)
	[e]	40	9	11	60

Табл. 2 показывает количественные характеристики тех же явлений в речи бывшей учительницы начальных классов Е. М. Барановой; подсчеты произведены отдельно по каждой из трех записей ее речи, сделанных при различных обстоятельствах и обнаруживающих у нее элементы литературно-диалектного двуязычия: Е. М. Баранова отчасти контролирует ёканье в своей речи.

Из таблиц и материала видно, что ни у одного информанта 1921–1944 гг. р. ёканье не представлено абсолютно последовательно; процент примеров с ёканьем у разных людей колеблется от 15–20 до 75%. Почти у всех информантов процент форм с ёканьем на месте *е выше, чем на месте *ь и *ё, но можно заметить, что и примеров с последними двумя гласными значительно меньше, а иногда они и просто единичны; впрочем, у ПЯ и ЗИ разрыв не так уж велик.

Ёканье в речи ЕМ (три разговора)

№ пп.	Звук в первом предударном слоге	*e	*ь	*ѣ	Всего
1	[o]	25 (22%)	4 (44%)	1 (7%)	30 (22%)
	[e]	90	5	13	108
2	[o]	25 (64,1%)	3 (42,9%)	4 (33,3%)	32 (55,2%)
	[e]	14	4	8	26
3	[o]	15 (40,5%)	1 (16,7%)	2 (18,2%)	18 (33,3%)
	[e]	22	5	9	36

Количественные характеристики ёканья сопоставимы с социальными характеристиками информантов (возраст, пол, уровень образования, профессия).

Информантов можно разделить на четыре группы.

(1) Ёканье не более чем в 20% примеров: самые образованные информанты (7 кл., курсы профессиональной подготовки), представители некрестьянских профессий. Год рождения в этой группе, по-видимому, не имеет большого значения: к ней относится и самая молодая информантка — телефонистка, оператор на крахмальном заводе 1944 г. р., и одна из старших — бухгалтер колхоза 1928 г. р.

(2) Ёканье примерно в 40% примеров: две женщины 1936 г. р. с неполным средним образованием, работавшие на ферме.

(3) Ёканье в 50–80% примеров: три женщины 1920-х гг. р. с начальным и неполным средним образованием, две из которых работали на животноводческих фермах и в полеводстве, а одна — на ферме, затем продавцом в магазине при крахмальном заводе⁷, и мужчина 1939 г. р. (5 кл. и курсы трактористов, подростком работал на ферме пастухом, по окончании курсов — трактористом).

Таким образом, ко второй и третьей группам относятся женщины с начальным и неполным средним образованием без дополнительной профессиональной подготовки, представители крестьянских профессий, и мужчина-тракторист. У женщин доля примеров с ёканьем коррелирует с годом рождения. У мужчины доля примеров с ёканьем выше, чем у его ровесниц, и приближается к той, что у женщин на 10–15 лет старше его, т. е. у наиболее архаичной по языку группы людей самого старшего возраста⁸. Наиболее высока доля примеров с ёканьем у самой старшей

⁷ Выбор профессии у этой группы лиц, по-видимому, был связан не столько с образованием, сколько с семейным положением: работать на низкооплачиваемой должности продавца в лавке при заводе могла себе позволить замужняя женщина, тогда как женщины, лишившиеся мужей и оставшиеся с маленькими детьми, вынуждены были содержать семью и работать на ферме (так объясняет свой выбор профессии З. Ф. Холодова 1929 г. р.).

⁸ В последнее время группой студентов НИУ ВШЭ под руководством М. А. Даниэля и Н. Р. Добрушиной на материале [Язык бассейна Устья. Корпус северно-русской диалектной речи 2013–2014] получены данные, показывающие, что в д. Михалёвская Устьянского р-на Архангельской обл. в речи мужчин 1950-х гг. р. больше диалектных черт, чем в речи их ровесниц-женщин (устное сообщение М. А. Даниэля). О корпусе и исследованиях на его материале см. [von Waldenfels, Daniel, Dobrushina 2014; Казакова, Добрушина, Даниэль 2016].

из информантов, малообразованной ПЯ 1921 г. р. (всю жизнь прожила в Ожигове; работала в колхозе и совхозе на ферме; во время войны подолгу была на принудительных работах за пределами своей деревни; много ездила, навещая родственников и знакомых).

В целом мобильность, по-видимому, не сказывается на владении говором: кроме ПЯ, много ездили и подолгу жили за пределами деревни ВС и — в молодости — ЕМ.

(4) Доля примеров с ёканьем от 22 до 55 % в зависимости от ситуации общения и установки говорящего: ЕМ, бывшая учительница начальных классов 1925 г. р. (7 кл. в Татарове и *петучилище* в Горьком, работала учителем начальных классов в Горьком все военные и первые послевоенные годы по призыву военного времени; после войны вернулась в Татарово и проработала там учительницей начальных классов до выхода на пенсию).

В 2012 г. сразу после знакомства был записан первый разговор с ЕМ (более двух часов). Доля примеров с ёканьем в этой записи небольшая: 22 %, см. табл. 2, причем число примеров с ёканьем заметно увеличилось к концу разговора (видимо, по мере того как общение ЕМ с диалектологами становилось более непринужденным). В этом разговоре ЕМ в отношении ёканья приблизилась к первой группе информантов — лицам с некрестьянскими профессиями. В 2014 г. мы дважды побывали у ЕМ, оба раза она принимала нас очень радушно, как старых знакомых. Большую часть первого разговора шла непринужденная беседа, а к концу ЕМ был предложен вопросник по склонению и ударению существительных муж. рода. В этом разговоре доля форм с ёканьем оказалась значительной: более 55 %, т. е. «на уровне» женщин ее возраста с неполным средним образованием, работниц фермы (группа 3)⁹. Утром следующего дня опрос по вопроснику был продолжен, но ЕМ уже была сосредоточена на проблемах правильности речи и в течение всей записи обсуждала с нами отличие диалектных форм от литературных. Для нее это был разговор на профессиональные темы с коллегами-словесниками. Процент форм с ёканьем в этом разговоре оказался ниже: 33 % (42 % на месте *e), т. е. между данными по первой и второй группам информантов. Таким образом, ЕМ отчасти контролирует ёканье в своей речи: его становится меньше в ситуации «полуофициального» общения (с незнакомыми приезжими из Москвы) и в ситуации «профессионального» общения. Доля примеров с ёканьем у ЕМ при более непринужденном общении соответствует архаичной разновидности диалектного употребления.

Возможно, и другие информантки с низкой долей ёканья способны, подобно ЕМ, контролировать его употребление, однако данными об этом мы не располагаем.

ЕМ, по-видимому, свойственно литературно-диалектное двуязычие, и можно думать, что в молодом возрасте она более последовательно использовала «литературные» соответствия диалектных форм. Ее «литературный язык», по-видимому, в течение всей жизни имел диалектную окраску: не вызывает сомнения, что ее

⁹ Близкой подругой и постоянной собеседницей ЕМ была в то время Н. И. Игонина.

«литературному» употреблению было свойственно предупредное оканье и некоторые другие черты владимирско-поволжского вокализма. Диалектная же речь ЕМ очень богата и архаична, ср. записанные от нее данные по грамматике говора [Мальшева, Тер-Аванесова 2015].

Пример ЕМ указывает на социолингвистический статус ёканья: носители говора, получившие образование, по-видимому, осознают ёканье как особенность, подлежащую устранению при установке на правильную речь. С другой стороны, пример ЕМ показывает, что у лиц с достаточно высоким уровнем образования и «некрестьянскими» профессиями возраст всё же является фактором, влияющим на устойчивость ёканья.

7. Список морфем, словоформ и слов, в которых зафиксировано ёканье, свидетельствует о том, что говор хорошо сохраняет результаты древнего фонетического изменения — перехода предупредного *e* любого происхождения в *o* перед твердым согласным:

**e*: Р. *-егó*, Д. *-ему́*, (в том числе *сего́дня*, *почему́*), Р. *ветлы́*, *женá*, *женáтый*, *лебеда́*, *-ой*, *сестра́*, *-ы*, *-у́*, *свекро́вь*, *елóх*, Р. *елху́*, И. мн. *берега́*, Р. *медку́*, *медо́вый*, *ребро́*, *бедро́*, *колесо́*, *веретенó*, *-á*, *боева́я*, *рыжева́тый*, Т. ед. м. *шестóм*, *четыре*, *четверы́х*, *вчера́*, *далеко́*, *тяжелó*, *тепло́*, *чеку́шечка*, *сметáна*, *-у*, *беру́*, *-ут*, *деру́тся*, *гребла́*, *везу́*, *-ут*, *-ла*, *несу́*, *-ут*, *-ла*, *-ло*, *веду́*, *-ут*, *-ла*, *мела́*, *-ло*, *плету́т*, *берегу́*, *-ла*, *легла́*, *пеку́*, *-ут*, *-ла*, *теку́т*, *лежу́*, *-ит*, *-áт*, *-áла*, *елóзить*, *ночевáть*, *воева́ть*, *танцева́ть*, *лета́ть*, *мета́ть*, *выгребáть*, *отека́ть*;

**ь*: *темно́*, *легко́*, *бревно́*, *верну́*, *-ну́л*, *замерза́ть*, *держáть*, *заперла́*, (*по-*, *у*)*мерла́*, *сверка́ет*, *замеркло́*; перед мягким согласным: *треми́*;

**ě*: *еда́*, М. *лесу́*, *песóк*, Р. *песку́*, *песóчком*, *звезда́*, *ведро́*, Р. *-á*, *слепа́я*, *двена́дцать*, *бего́м*, *бегу́*, *-ут*, *убега́ть*, (*до-*, *за-*, *с-*, *по*)*еда́ть*, *разогрева́ть*, (*на-*, *от*)*реза́ть*, (*у-*, *по*)*списа́ть*, (*в-*, *о*)*дева́ть*, *одева́нье*;

заимствования: *Его́рий*, Р. *Петра́*, *Петро́в день*, *Степа́н*, *Алещу́нино*; И. мн. *мастерá*.

Таким образом, ёканье в муромском говоре равномерно осуществляется в позициях **e*, **ь* и **ě*; совпадение этих гласных в предупредной позиции должно было предшествовать развитию ёканья. Система ёканья такого типа характерна для многих среднерусских и отдельных севернорусских говоров и может указывать на их специфические связи с муромскими и шире — с владимирско-поволжскими говорами.

В современном говоре ёканье осуществляется с некоторыми ограничениями, бо́льшая часть которых имеет общерусский характер. Владимирско-поволжской особенностью является отсутствие ёканья перед твердыми шипящими [ж] и [ш] и его последовательный характер после [ж] и [ш], что свидетельствует о морфологизации состояния до отвердения шипящих. Специфические для говора инновационные явления лексикализации и морфологизации сводятся к ёканью в корне глагола *лежать* и в окончании Т. п. формы *трехи*.

Помимо исконной лексики муромское ёканье охватывает круг старейших заимствований в говоры — имена собственные церковнославянского происхождения.

При этом говор обнаруживает тонкую дифференциацию традиционных употреблений этой лексики — личных имен, названий церковных праздников, местной топонимики антропонимического происхождения, в которых ёканье представлено вполне последовательно, — и относительно недавно вошедших в употребление или окказиональных для носителей говоров слов, содержащих церковнославянские по происхождению морфемы: фамилий, названий отдаленных городов; последним ёканье несвойственно.

II. Позиционная мягкость /ж/ и /ш/ в городецком говоре

Позиционной особенностью ёканья в муромском говоре, в отличие от севернорусских тотемского и никольского говоров, является отсутствие его перед твердыми шипящими [ж] и [ш], а также перед твердыми долгими шипящими [ж:] и [ш:] (долгие могут произноситься в говоре и мягко). Это ограничение указывает на сравнительно недавнее отверждение [ж], [ш] в муромском говоре.

В примыкающих к муромским говорам с севера городецких говорах, тоже Владимирско-Поволжской группы, согласные /ж/ и /ш/ имеют палатализованные аллофоны перед гласными переднего ряда [и] и [е] и непалатализованные — в других позициях, что можно считать остатком их непозиционной мягкости в прошлом. Городецкие говоры расположены на юго-западной окраине небольшого диалектного ареала, для которого, по-видимому, характерны и другие позиции мягкости /ж/, /ш/, а именно перед *а, переходящим в е в суффиксе глаголов II спряжения типа *держать* (> *держ[е]ть*) [Образование 1970: 19–21, карта 2; ДАРЯ 1986, II, карта 103]. Ниже будут представлены данные по твердости/мягкости шипящих, записанные в 2015 г. С. В. Дьяченко, И. И. Исаевым и А. В. Малышевой в селе Соболево Юрьевецкого р-на Ивановской обл. от двух информантов: Хреновой Валентины Васильевны (1937, образование среднее специальное на базе 7 кл., род. в с. Соболево; далее ВВ) и Кузьминой Лидии Александровны (1938, 4 кл., род. в д. Плющиха в 4 км от Соболева; далее ЛА).

1. Фонетика городецкого говора с. Соболево очень близка муромской.

Существенным отличием городецкого говора является переход *a > e* под ударением после мягких шипящих [ш':] (/ш':/) и [ч'] (/ч'/) перед мягкими согласными в только в глагольных суффиксах *-а-: прош. мн. *кач'эл'и* и **э': в'ир'еш'и'эл'и*, *п'иш'и'эл'и* ВВ. Это остаточное явление в говоре. Впрочем, произношение [а] в нескольких имперфективных основах: *ни опиш'и'ал'ис*, *св'еш'и'ан'ьйо* ЛА, *опиш'и'ал'с* ВВ, а также после твердого долгого шипящего: *эбрашш'ал'ис* ВВ — может объясняться «новизной» и «официальным» характером слов. В именных основах после [ч'] переход *a > e* не отмечен: *грач'ат'те*, *ч'аи'к'и* 2х и др., то же в первом предударном слоге: *ч'асоф* ЛА.

После твердых шипящих [ш], [ж], [ж:] в тех же морфологических позициях отмечен только [а]: *п'б'еж'ал'и*, *уб'еж'ат'*, *д'ерж'ат'*, *п'ир'ийеж'ж'ал'и* ЛА, *л'еж'ат'*, *л'еж'ала*, *д'ерж'ал'и* ВВ; в имперфективных основах: *слушай* 2х, *м'ешай*, *м'ешал*, *п'р'вож'ал*, *п'р'вож'ал'и*, *п'р'вож'ат'* ВВ; то же в именных основах: *п'р'ихож'ан'к*

ВВ, другие примеры см. в разделе 3. То же в большинстве примеров — во флексиях: И. ед. ж.: *нашь* 2х, *бол'шайа*, *хорошыйа*, *хорошь* ВВ, однако один раз зафиксировано [ж'и] < жа в заударной позиции: *свѣж'ийа* ВВ.

2. В первом предударном слоге в городецком говоре — оканье и довольно последовательное ёканье на месте *е, *ь, *ѣ. В заударных слогах на фоне господствующей системы неразличения /а/, /о/, /е/ отмечается немало случаев оканья и ёканья; в заударных слогах различению фонем способствует интонационное выделение слова в эмоциональной речи.

Предударное ёканье в городецком говоре проиллюстрируем следующими примерами.

*е: [о] — *ч'ово* 3х, *фс'ово* 3х, *в'осны*, *в'осной-ту*, *кол'осо* 2х, *кол'осом*, *т'опло*, *ч'окуша*, *кьч'огар'ила*, *б'орут* 2х, *в'озут*, *пр'ив'озут*, *п'оку*, *дъм'оташ*, *тр'опал'и*, *ноч'овал'и*, после твердого шипящего: *т'ижоло* ЛА; *фс'ово*, *пч'ому*, *в'осна*, *т'опло*, *пр'ив'озут*, *пр'ив'озу*, *пръв'ола*, *зън'осло-то*, *ъттр'опал* ВВ; [е] — *д'ерут*, *фс'ево*, *ч'ево*, *ч'етыр'и* 3х, *ш' и'етырнъцът'и*, *ф ч'етырнъцът'* ЛА; *в'едут*, *зв'ела*, *пъч'ему*, *нъч'еват'*, *ч'етырнъцът'*, *фс'егда*, перед твердым шипящим: *л'ежал* ВВ; [о] < *е перед мягким согласным: *йежов'йк'и* ЛА;

*ь: [о] — *ум'орла*, *з'орном*, *в'орнул'ис* ЛА; [е] — *д'ержу*, *ъттр'евожыл*, *-ли* ВВ;

*ѣ: [о] — *уб'огал*, *изд'овал'ис*, *д'оватса* ЛА; *н'и п'есок*, *а п'осок*; *в'одром*, *рвъ'оват*, *зъд'овайт* ВВ; [е] — *ът ст'ены дъ ст'ены*, *д'ела* 2х, перед твердым шипящим: *уб'ежат'*, *пъб'ежали* ЛА; *зв'езда*, *в'лесу*, *ътп'евал*, *д'ефч'онки*, перед твердым шипящим: *н'и м'ешай*, *м'ешал*, *м'ешаит*, *уйеж:ат*, *пр'ийеж:ал* ВВ.

Приведенные примеры показывают систему предударного ёканья, тождественную муромской. С муромским распределением данную систему объединяет важная особенность: позиция перед твердыми шипящими [ж], [ш], [ж:] аналогична позиции перед мягкими согласными (перед этими согласными нет ёканья).

Как и в муромском говоре, фонема /е/ ([е]) в первом предударном слоге перед твердыми согласными представлена в заимствованных основах: *в'ит'еран*, *ърд'ена*, *м'етро*, в том числе в церковнославянизме *ф пл'ену* и в заимствовании из официального языка *пр'итс'едат'ил'*; в частице *не*, замещающей *ни*: *н'егд'э* 'нигде', *н'екак* 'никак', *н'екто* 'никто', *куда-н'ебут'*.

Ёканье в заударных слогах в значительной степени затушено редукцией гласных, тем не менее зафиксированы следующие его примеры: *плем'аннич'ок*, *пюгр'оп* ВВ, 3 ед. *выраст'от*, *буд'от*, 2 ед. *фстан'ош*, *здремл'ош*, *в'ажош* ЛА; 3 ед. *капл'от*, *ростай'от*, *буд'от*, *выраст'от* ВВ. Шире представлены примеры /о/ во флексиях между мягкими и на конце слова после мягких, которое является результатом проникновения показателей твердой разновидности склонения в мягкую: И. ед. *свеи'и'аньйо*, *врем'о* ЛА; *мор'о*, *печ'ен'йо* ВХ; И. ед. ср. *жоскыйо* ЛА, *хорошийо* ВВ; И. ед. м. *последн'ой* ЛА, *двойо* ВВ. Аналогичные примеры после шипящих см. ниже.

3. Наиболее яркой особенностью консонантизма говора с. Соболево является **позиционная мягкость шипящих**. Фонемы /ш/ и /ж/ представлены как твердыми, так и мягкими и «полумягкими» аллофонами, распределенными в зависимости

от позиции. Однако мягкие [ж'], [ш'] и полумягкие [ж·], [ш·] употребляются не последовательно: в позициях, где они отмечены, встречаются и твердые [ж], [ш].

3.1. Твердые и мягкие аллофоны /ж/, /ш/ перед согласными и на конце слова

Твёрдые [ж], [ш] наблюдаются в позициях:

а) конца слова: поб'эгаиш 2х, ход'иши, л'агъши, дъм'отáиши, вькыпаиш, пр'иб'ер'оши, рабóтыиш, зьпр'агóиш, рьзос'т'эл'иши, уб'ираиш, згр'еб'оши, пьдм'ет'оши, ньс'т'илаиш, копáиш, проп'ус'т'иши, как хóиш, йéиш, р'еиш, наиш, зáмуиш, уиш 17х, фс'о ш тьк'и ЛА; йеиш, помáлк'ивъиш, пол'уч'иши, заб'эгъиш, д'ен'еиш, мотáиш, гл'ад'иши, погл'ад'иши, покáпл'еиш, проход'иши, хóд'иши, ид'оши, дъж·ив'оши 2х, в'ид'иши, ч'о хóиш, над'ен'еиш, ростóп'иши, oddáиш 3х, пьш'ч'итáиш, хорóиш, муиш 3х, зáмуиш 2х, роиш, уиш 2х ВВ;

б) перед твердым согласным: п'ешкóм, пьвар'ошишкой, картóишку 2х, т'ел'ешку 2х, ф кьталáишку, солньишкь, баушка, д'едушка, ф шкóлу 4х, ф шкóл'е, пр'и шкóл'е, шкóл'н'ик'и, ф К'ин'ишму-ту 2х, вьишль, пр'ишлóс, прошлó, л'ишино, мóжнь, в'ерт'ишись 3х, н'е сун'ишса ЛА; máтушка, Сáишкь-ть, кóишка, кóишкьм 2х, картóишку 2х, картóишкой, старушкь, окóишкь, бат'ушкь 4х, баушкь, гóрнушку, н'имнóишкь 3х, д'руг за друшк'и, друшкá, лóишку, Вал'ушка, Кос'т'ушкь, ф шкóл'е, зашкáл'ивът', ошпáр'им, до К'ин'ишмы, прóшл'ый, прóшл'ьм 5х, пьдошлá, вьишль, пр'ишлóс, п'ир'ешлó, шлáнк, шлáнг'и-т'и, шушныи (зараженный вирусами — о клеще), слóжнó, поднóжньм, дружныи, мóжнь 2х, служьбы, служьбу 2х, кáжду ВВ;

в) перед мягкими губными [б'], [м']: пр'ижм'от 3х ЛА; на служьб'и ВВ.

Мягкие [ж'], [ш'] и полумягкие [ш·], [ж·] (наряду с твердыми [ж], [ш]) наблюдаются в позициях:

а) перед мягким заднеязычным [к']: кылькóлуш'к'и, кылькóлуш'к'и, картóиш'к'и 2х, кьлоб'áиш'к'и 2х, окóиш'к'и, фураиш'к'и 2х, рубáиш'к'и, дом'иш'к'и-т'и ЛА; кóиш'к'и 3х, бат'уш'к'и (межд.), ч'áиш'к'и 2х, т'ил'ефон'иш'к'и-т'и, лóиш'к'и, задв'иш'к'и, д'ен'иш'к'и ВВ; твердые [ш], [ж] в этой позиции: р'иб'ат'ишк'и-т'е, баушк'и, г баушк'е, на вáр'ишк'и ЛА; у баушк'и, мурáишк'и, старушк'и 2х ВВ;

б) перед мягкими зубными [н'], [л'], [д']: прош. пош'л'и, из Н'ишн'евъ 2х, рьсхож'д'ен'иша-то ЛА; пьдож'д'ит'и 5х ВВ; однако в этой позиции чаще твердые [ш], [ж]: пошл'ут, пошл'и 3х, пр'ишл'и 2х, нашл'и, дожл'ивы-т'е гóды ЛА; ушл'и 2х, вьшл'и, взошл'и, бáишн'у, зд'эшн'а 2х, пьдожд'ит'е ВВ; перед [т'] отмечен только твердый [ш]: жéшт'е ВВ;

Мягкие аллофоны [ж'], [ш'] перед мягкими согласными (и после мягких? см. ниже о [ш'] в суффиксе сравнительной степени) в городецком говоре можно объяснить ассимиляцией.

3.2. Твердые и мягкие аллофоны /ж/, /ш/ перед гласными

Твердые [ж], [ш] произносятся в позициях:

а) перед /у/ — шуб'н'ик'и 3х, н'ишут, р'эжут ЛА; шушныи, Шуи, Шуйе, шум 3х, Шур'ик, журналисты, кáишу, крьишу 3х, ч'ешуиць, держэу 2х, св'áжут ВВ;

б) перед /а/ (реализациями этой фонемы [а], [ъ], [ъ^м], [ы]) — ф шáхтах 3х, ушáнка, урожáи, пьб'ежáли, уб'ежáт', д'ержáт', м'ешáи, слушáи, слушъ^мт', нь лъшад'áх, лъшад'эй, лъшад'инна, лóшът' 2х, в лóшъ^мт', на лóшъ^мд'е 2х, лóшъ^мд'и,

на *лошыд'и*, Р. *вз'атыша*, И. *кырвүшь* 'наседка', И. *ч'окушь*, И. ед. ж. *хорóшь*^{мй} ЛА; *жáлуцьцъ*, *пoжáлусть* 5x, *жáд'н'ич'ит'*, *шáстъйу*, *oмиáн'ик* 2x, *ржсан'ийе*, *ржсан'ой*, *д'ержáл'и*, *л'ежáт'*, *л'ежáт*, *л'ежáл*, *л'ежáла*, *м'ешáл*, *прьвожáл*, *прьвожáл'и*, *прьвожáт'*, *прьхожáн'ьк*, *слүшай*, 3 мн. *л'ежáт*, И. *Вал'үша* 2x, И. ед. ж. *нáшь*, *н'и нáшь*, *бол'шáйа*, *хорóшьйа*, *хорóшь* ВВ; однако в одном примере [ж'] — перед безударным аллофоном /а/ в окончании: И. ед. ж. *св'еж'уиа* ВВ;

Мягкие и полумягкие шипящие [ш'], [ш:], [ж'], [ж:] произносятся перед /и/: *маш'ина* 4x, *н'и маш'ина*, *маш'инк'ь*, *нъ маш'инк'е*, *нъ маш'ин'е*, *бъл'ш'ина*, *бъл'ш'инствó*, *муж'ик'ú-т'е*, *муж'икóф*, *ш'ил'и* 3x, *ш'ил*, *ж'или* 10x, *ж'илá* 5x, *пъж'илá*, *ж'ив'у*, *п'ир'иж'ивáл'и*, *ж'ис'* 2x, *ж'ивых* 2x, *ж'ив'óт*, *ж'ивътнóцво*, *р'еш'ил'и*, *р'еш'илас*, *р'еш'ил'и*, *пътуш'ил'и*, *суш'ил'и*, *полóж'ил'и*, *спрáш'ив'йт'е*, 2 ед. *слыш'уиш*, 2 мн. *полóж'ит'и*, Р. *рж'и*, *мълод'óж'и* 2x, Т. с *нáш'им*, И. мн. *нáш'и*, *хорóш'и*, *бол'ш'и* 2x ЛА; *муж'ик*, *муж'ик* 2x, *муж'ик'и* 4x, *из-зъ муж'икóф*, *муж'икáм*, *ж'ит'* 3x, *ж'иву*, *дъж'ив'óш* 2x, *ж'ив'óт* 4x, *жс'ив'óт* 3x, *ж'ив'óm* 3x, *жс'ив'óm* 2x, *ж'ивут* 3x, *жс'ил*, *ж'илá* 2x, *пръж'илá*, *выж'иль*, *прóж'ил'и*, *жс'ил'и* 2x, *п'ер'иж'итъ*, *н'иж'ильйе*, *жс'иф*, *жс'ивá*, в *жс'ивых* 2x, в *жс'ивых*, в *жс'из'н'*, *жс'ис'* 2x, в *жс'из'н'и*, *жс'ит'ел'*, *жс'ит'ил'а*, *жс'ит'ил'и*, *м'естъ жс'ит'ил'ствъ*, *л'еж'ит*, *б'еж'ит*, *слүж'ит*, *пътр'евóж'ил*, *пътр'евóж'ил'и*, *н'е л'еж'ив'эла*, *нáш'и*, *нáш'иу* *д'ит'ей*, *н'ебол'ш'иш* ВВ; твердые [ш], [ж] в этой позиции довольно редки: *маш'ину* 3x, *маш'инъ* 2x, *мужык'и*, *жс'ив'óm* 2x, *жс'ыл*, *жс'ив'и* 2x, *жс'ис'*, *д'ержыт*, *д'ержыцъ*, *пъложыли*, И. мн. прилагательных *хорóшьи* 2x, *хорóшы*, деепр. *от'óкшы* (но возможен состав суффикса -/ше/).

3.3. Более сложная картина наблюдается перед рефлексами *е, *ь, а также вторичного *ё (в окончаниях).

А. Твердые шипящие произносятся перед *е, *ь «в позиции ёканья» (перехода *e>o*):

а) перед аллофонами /о/ ([о], [ь], [ы], [е]) перед твердыми согласными — *нашóл*, *пошóл* 2x, *пришóл* 2x, *жс'óскийо*, *т'ажóла* 2x, *т'ижóлó* 2x, Р. мн. *окóшок*, 3 ед. *скáжот*, *мóжыт* 3x ЛА; *шол* 4x, *пришóл* 3x, *ътóшóл*, *пошóл*, *ушóл*, *Шыр-нышóфск'эвъ дóль*, *ножóнк'и*, *стърушóнк'эм*, *пърн'ишóнк'эм*, *жс'ынá*, *муж жс'ыной*, Р. мн. *парн'иш'ьк*, *из-за кóш'ьг* *д'ерут*, *от кóш'ьк-ту*, *нүж'ьн* 2x, *как полóжыно*, *пон'иж'ено* 2x, 3 ед. *мóж'ьт*, *мóж'ьд быт'*, *в'áж'ьт*, *мүж-ьт*; Р. ед. м. *хорóшыва*, нареч. *по-нáш'ьму*, *зámужьм* ВВ; (также [о] перед мягким согласным: *д'ешóв'ин'к'и* ВВ, по аналогии с *дешёвый*);

б) перед аллофонами /о/ ([о], [ь], [ы]) перед мягкими согласными в окончаниях — И. ед. м. прилагательных: *бол'шóй*, *рыжой*, *св'еж'ый*, *б'ыфш'ый*, *каж'ый* 'каждый' ЛА; *св'еж'ой*, *хорóшьый*, *стáрш'ый* ВВ; И. ед. ср. прилагательных: *хорóшьийо*; Р. ед. ж. прилагательных: *до каж'ый* 'до каждой', Т. ед. ж. прилагательных: *хорóшьй*; 2 мн. *мóжыт'е* ВВ. Во всех этих морфологических позициях, кроме формы 2 мн., переход *e>o* под ударением и в безударной позиции поддерживается аналогией с формами, содержащими /о/ после твердой согласной, ср. И. ед. м. *молóдой*, *сильной*, И. ед. ср. *молóдойо*, *сильнойо* и т. п.; во 2 мн. возможна аналогия с другими формами парадигмы презенса, ср. 3 ед. *мóжот*, *мóж'ьт*;

в) перед реализациями /о/ на конце слова, при наличии аналогической поддержки форм с /о/ после твердых согласных в тех же морфологических позициях: нареч. *хърошó* 5× ЛА; *хърошó* 8×, И. ед. ср. *нашъ* (наше), в *нашъ-тъ*, в *наше-тъ* ВВ;

г) перед /о/ на конце слова в независимой позиции — в частице *же*, в том числе в составе *тоже*: *этъ жо*, *каг жо* 3×, *таг жо* 2×, *тожо*, *тожъ*, *тоже* 4×, *тод же* ЛА; *туд жо*, *тожо*, *тожъ* 6×, *тожы*, *каг жы*, *там же*, *мы же*, *тоже* ВВ. Однако иначе ведет себя *-же* в составе *уже* и *даже*. В наречии *ужé* (по происхождению — комплекс энклитик, в состав которого входит частица *же*) — твердый [ж] перед [е] (/же/): *ужé* 10× ВВ. В частице *даже*, которая представляет собой проклитико-энклитический комплекс с частицей *же* — сочетание [ж'и] (/же/): *даж'и* 2× ВВ.

Б. Твердые шипящие произносятся перед *е, *ь при отсутствии перехода *e > o* в позиции перед твердым согласным в нескольких особых случаях:

в книжных словах, заимствованных в говор из литературного языка: *свъ'ершённъ* ВВ;

перед суффиксом *ств-, в составе которого с мог быть мягким в недавнем прошлом: *дъ заму'жствъ* ВВ; однако перед суффиксами *-ев-ьн-* — мягкий шипящий: *круж'евные* ВВ;

в корне *шест'*- независимо от твердости/мягкости следующего согласного (синхронной, поскольку все примеры с [е] или [ы] перед твердым согласным представляют собой сложения с *шест'*-, а примеры типа *шестой* отсутствуют): *шес'т'иръ-тъ*, *шеснацът'и годóф*, *ф шеснацът'-то л'эт* ЛА; *шес'т'* 2×, *шес'* 4×, *шыйс'ат* 2×, *тр'и шыйс'ад* был, *шыс'тид'ис'ит'и* ВВ.

В. Твердые шипящие произносятся перед безударными аллофонами /е/<*ě в окончании м. ед. существительных I и II склонения: *ф Пуч'ижъ*, *ф продажъ* 2× ВВ (в этой морфологической позиции после исконно мягких согласных распространяется окончание твердой разновидности склонения *ě).

Г. Мягкие и полумягкие шипящие произносятся перед неогубленными рефлексамми *е, *ь:

а) перед *е, *ь, за которыми следует мягкий согласный или сочетания «твердый + мягкий» (перед неогубленными реализациями /о/ — гласными [е], [и]): *ш'ёр'с'т'* 6×; *ж'ен'ылса*, *ж'ен'иш'ины*, *хорóш'ин'к'ий*, *ш'ив'ил'ицца* ЛА; *ж'ел'эзные*, к одной *ж'ен'иш'ин'*, *д'еш'эвл'и*, *из-зь муж'ей* ВВ; также твердые [ш], [ж] в этих же позициях: *жен'иш'инь* ЛА; *жен'иш'ин'е* 2×, *жен'иш'инъм* 2×, *жел'эзные*, *хорóшын'к'и*, *шъв'ил'ильтс* ВВ.

б) в суффиксе *-sje* (/ше/) сравнительной степени прилагательных и наречий, присоединяющемся к любым бессуффиксным основам, после мягких согласных [н'], [л'], [ч']: *м'ен'иш'и*, *бол'иш'е* 3×, *ран'иш'е* 5×, *ран'иш'и* 3×, *ран'иш'и* 2×, *дал'иш'е*, *дал'иш'е*, *подал'иш'и*, *потон'иш'е* 2× ЛА; *мен'иш'е* 2×, *бол'иш'и*, *бол'иш'е*, *ран'иш'е*, *луч'иш'е*, *подал'иш'и* ВВ; реже отмечается твердый [ш]: *ран'ишы* 2×, *бол'ишы* 2×, *помен'ишы* ЛА; *м'ен'ише*, *помен'ише*, *бол'ише* 2×, *лут'ишы*, *полут'ишы-тъ* ВВ. Варьирование [ш'] и [ш] отмечено после твердого [р]: *стар'иш'и* и *постар'иш'и* ВВ. В компаративах с суффиксом *-je шипящий, скорее, твердый: *ближ'е* ЛА, *молóжы* ВВ.

Можно предполагать смягчающее воздействие предшествующего мягкого согласного на *ш* в суффиксе сравнительной степени; [р] в *старше*, в таком случае надо рассматривать как случай недавнего отвердения.

Таким образом, мягкие шипящие [ж'], [ш'] в городецком говоре встречаются перед гласными переднего ряда [и], [е], перед мягкими согласными и после мягких [н'], [л'], [ч']. Распределение твердых и мягких аллофонов /ж/ и /ш/ в говоре, очевидно, является результатом их отвердения в определенных позициях (конец слова, перед твердыми согласными, перед [а], [у]). Отвердение шипящих имело место и перед [о] из *е, *ь (*т'ажо́ла, т'ижоло́*). Однако в безударных слогах, кроме 1-го предударного, может происходить редукция и делабиализация *о*; тем не менее перед неогубленными безударными гласными из *е, *ь, за которыми следуют твердые согласные, т. е. «в позиции ёканья», произносятся твердые [ж], [ш] (*мо́жыт*). Твердые [ж], [ш] произносятся перед огубленными гласными, находящимися перед мягким согласным в ряде флексий, в которых эти гласные появляются под влиянием твердой разновидности склонения (И. ед. м. *бол'шо́й, ры́жой*); это имеет место в тех же морфологических позициях — перед безударным неогубленным гласным (И. ед. м. *св'е́жый*). Мягкие [ж'], [ш'] произносятся перед рефлексами *е, *ь, если за ними следуют мягкие согласные (*ш'ёр'с'т'*; *ж'ен'и́лса*). Перед конечными *о* и *е* (из *е, *ь, *ё) шипящие, как правило, отвердевают (если нет условий для их смягчения в виде предшествующего мягкого согласного, как в компаративах типа *бол'ш'е*); исключением является частица *даж'е*.

В городецком говоре отвердение шипящих перед рефлексами *е, *ь, находящимися в позиции перед твердыми согласными, и перед гласными флексий (т. е. в позициях городецкого ёканья) должно было предшествовать распространению редукции в заударных слогах; и оно должно было происходить после обобщения окончаний твердого варианта склонения после мягких основ.

Литература

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907. 150 с. (Сборник ОРЯС; т. 83).

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 24–38.

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Дьяченко С. В., Исаев И. И., Тер-Аванесова А. В. Ёканье в говоре Татарова, Ожигова и Нулы Муромского района Владимирской области // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 275–284.

Дьяченко С. В., Мальшева А. В. Говор Юрьеvecкого р-на Ивановской области // Русский язык в научном освещении. 2016. №1 (25). С. 275–284.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. 456 с.

Захарова К. Ф. К вопросу о ёканье // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 30–44.

Казакова П. Н., Добрушина Н. Р., Даниэль М. А. Экспедиции НИУ ВШЭ: Корпус говоров бассейна реки Устья и изучение вариативности в говоре деревни Михалёвская // Русский язык в научном освещении. 2016. №2 (32). С. 250–257.

Касаткин Л. Л. (ред.) Русская диалектология. М., 2012. 304 с.

Мансикка В. Заметки о говоре Никольского уезда // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 19 (1914), кн. 4. Пг., 1915. С. 200–216.

Мальшева А. В., Тер-Аванесова А. В. Материалы по грамматике муромских говоров // Русский язык в научном освещении. 2015. №2 (30). С. 231–244.

Обнорский С. П. Переход *Е* в *О* в современном русском языке // Труды комиссии по истории Академии наук СССР. Вып. 3: А. А. Шахматов (1864–1920). Сборник статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 295–315.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005. 256 с.

Пожарицкая С. К. Русские говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 59–68.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966. 160 с.

Скобlikова Е. С. О судьбе этимологического *ѣ* в первом предударном слоге перед твердыми согласными в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая сер. Т. 3. М., 1962. С. 112–120.

Язык бассейна Устья. Корпус северно-русской диалектной речи [Электронный ресурс]. Берн; М., 2013–2014. Режим доступа: <http://parasolcorpus.org/Pushkino/login.php>.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustyia river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect // Компьютерная лингвистика. Интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.) / Под общ. ред. В. Сеlegeй. Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 720–728.

*Svetlana V. Dyachenko*¹, *Anna V. Malysheva*², *Alexandra V. Ter-Avanesova*³
Vinogradov Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
*svet-lan-a@list.ru*¹
*annamalys@mail.ru*²
*teravan@mail.ru*³

ON PHONETICS OF VLADIMIR-POVOLZHJE DIALECTS: JOKANJE AND POSITIONAL SOFTENING OF HISSING CONSONANTS

The article deals with two connected phenomena in East Middle Russian dialects of Vladimir-Povolzhje group. One of them, *jokanje* in the dialect of *Tatarovo*, *Ozhigovo* and *Nula* (Murom region, Vladimir district), was analyzed using the data recorded in 2012 and 2014 from 13 people born in 1921–1959. *Jokanje* occurs in the pretonic syllable in the place of **e*, **b*, **ě* before hard consonants (*n'oslá*, *v'ornúl*, *b'odá*) and is represented in 60 % of the 1100 relevant examples; in the rest of them the unrounded vowels are pronounced (*n'eslá*). Besides the well-known conditions in which *jokanje* is not realized in Russian, in Murom dialects it doesn't occur before hard hissing consonants [š], [ž], [ž:]. This points out that the hardening of these consonants took place lately in Murom dialects. *Jokanje* occurs in 85 stems of different morphological classes and morphological types; thus the dialect has preserved the results of phonetic change *e* > *o* before hard consonants that took place after the coincidence of **e*, **b*, **ě* in the unstressed syllables. Besides the words of Slavic origin, *jokanje* occurs in Church Slavonic proper names and in very few borrowings from European languages. In the sociolinguistic aspect, *jokanje* is a dialectal phenomenon consciously eliminated by the speakers who intend to speak correctly, as the analysis of the recordings of the teacher's speech (1925) shows. There is no *jokanje* in speech of the people born in 1946–1959, the teachers and the director of the club, who preserve some other dialectal features. People with specialized secondary education, with non-peasant professions, independently of the date of birth (1925–1944), have small quotas of words with *jokanje* (below 20%). The quota of *jokanje* examples in the speech of women who studied for seven years or less and then worked in the farm depends on the date of birth: women born in 1936 have 40 % of *jokanje* examples, in 1920s — 50–80 %, and so does a man born in 1939 who studied for 5 years, finished the courses and worked as a tractor operator. The man belongs to the group of the most archaic speakers, and not to the group of women of his generation.

The late hardening of *ž*, *š* in Murom dialect is concluded from the analysis of the system of *jokanje* and proved by the data from the neighboring Gorodec dialects. In the dialect of Sobolevo (Jurjevce district, Ivanovo region), the soft *ž'*, *š'* occur before and after the soft consonants (*kóš'k'i*, *rán'š'e*) and before front vowels [i], [e] (*ž'il*, *š'er's't*). This situation is a result of hardening of *ž'*, *š'* in the end of the word, before hard consonants and back vowels *a*, *o*, *u*. Hard hissing consonants are pronounced before **e*, **b* “in *jokanje* position”, and soft hissing consonants — before **e*, **b* followed by soft consonants.

Key words: Russian dialects, Vladimir-Povolzhje group, phonetics, *jokanje*, hissing consonants

References

Brok O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoj chasti Totemskogo uezda* [Description of one dialect from the south-western part of the Totma Uyezd]. St. Petersburg, 1907. 150 p. (Sbornik ORYaS. Vol. 83.)

Vysotskij S. S. [The sound of speech in context]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological research in the Russian language]. Moscow, 1977. P. 24–38. (In Russ.)

Gecova O. G. [Dialectal differences of Russian Arkhangelsk dialects and their linguo-geographic characteristic]. *Voprosy russkogo yazykoznanija. Vyp. VII. Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'* [Questions of Russian linguistics. Vol. VII. Russian dialects: history and modernity]. Moscow, 1997. P. 138–197. (In Russ.)

Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti Rossii. Iss. I. Fonetika [Dialectological Atlas of the Russian language. Center of the European part of Russia. Vol. I. Phonetics]. Moscow, 1986.

D'yachenko S. V., Isaev I. I., Ter-Avanesova A. V. [Jokanje in the dialect of Tatarovo, Ozhigovo and Nula of the Muromsky district of the Vladimir region]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. (25). P. 275–284. (In Russ.)

D'yachenko S. V., Malysheva A. V. [Dialect of Yurievets district of Ivanovo region]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. No. 1 (25). P. 275–284. (In Russ.)

Zaharova K. F. [On the issue of jokanje]. *Dialektologiya i lingvogeografiya russkogo yazyka* [Dialectology and linguogeography of the Russian language]. Moscow, 1981. P. 30–44. (In Russ.)

Zaharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p.

Zaharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Ju. *Obrazovanie severno-russkogo narechija i srednerusskih govorov* [Formation of the North Russian dialect and Central Russian dialects]. Moscow, 1970. 456 p.

Kazakova P. N., Dobrushina N. R., Daniel' M. A. [Expeditions of NIU VShE: The corpus of dialects of the Ustja river basin and the study of variability in the dialect of Mikhalevskaya village]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. No. 2 (32). P. 250–257. (In Russ.)

Kasatkin L. L. (Ed.) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2012. 304 p.

Mansikka V. [Notes on the dialect of Nikolsky Uyezd]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*. Vol. 19 (1914), part 4. Petrograd, 1915. P. 200–216. (In Russ.)

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. [Materials on the grammar of the Murom dialects]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 2 (30). P. 231–244. (In Russ.)

Obnorskij S. P. [The transition of E to O in modern Russian]. *Trudy komissii po istorii Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Commission on the history of the USSR

Academy of Sciences]. Iss. 3: A. A. Shahmatov (1864–1920). S. P. Obnorskij (ed.). Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. P. 295–315. (In Russ.)

Pozharickaya S. K. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2005. 256 p.

Pozharickaya S. K. [Russian dialects outside the DARYa line. On the question of the dialectal division of the Russian language]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 8. Vostochnoslavyanskaya dialektologiya, lingvogeografiya i slavyanskij kontekst* [Research on Slavic dialectology. Vol. 8. East Slavic dialectology, linguogeography and Slavic context]. Moscow, 2002. P. 59–68. (In Russ.)

Sidorov V. N. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka* [From the history of Russian sounds]. Moscow, 1966. 160 p.

Skoblikova E. S. [About the fate of the etymological e in the first pretonic syllable before hard consonants in the dialects of the Vladimir-Volga group]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii. Novaya seriya* [Materials and research on Russian dialectology. New series.]. Vol. 3. Moscow, 1962. P. 112–120. (In Russ.)

Yazyk bassejna Ust'i. Korpus severno-russkoj dialektnoj rechi [The language of the pool Mouth. Corpus of North Russian dialect speech]. [Elektronnyj resurs]. Bern; Moscow, 2013–2014. Rezhim dostupa: <http://parasolcorpus.org/Pushkino/login.php>

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustya river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Kompyuternaya lingvistika intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog" (Bekasovo, 4–8 iyunya 2014 g.)*. Ed. V. Selegej. Iss. 13(20). Moscow, Izd-vo RGGU Publ., 2014. P. 720–728.